

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ST.PETERSBURG JOURNAL OF ORIENTAL STUDIES

выпуск 8 volume 8

Центр «Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург 1996

Н. А. Невский

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ

Переводы, исследования, материалы к биографии

Японистика. Этнография

обновившись, разлили волны Шуня по миру [букв. до четырех морей]; изменили дикие [скверные] обычаи на [обычаи] ушедших поколений и исправили бесплодное правление на [прекрасное] данных годов.

Согласно с временем установили нормы и передали роскошный дух на мириады веков, подняли разрушившееся и продолжали прерванное и имели в виду починить пренебрегаемые тысячелетиями нормы.

Если в эти года перестройки обрядов не урегулируют церемоний почитания богов, то, пожалуй, впоследствии на данное время будут смотреть так же, как теперь смотрят на древность.

Глупый подданный Хиронари в дряхлом возрасте, уже перешагнув за восемь десятков, собачья и лошадиная любовь с утра до вечера становились все теснее и больше¹. Если вдруг я переселюсь в другой мир, я схороню свою скорбь под землей. В рассказах прохожих тоже ведь есть, что можно взять, мысли простых смертных тоже нелегко безрассудно отбросить. К счастью, встретившись с благоприятным временем [императорского] осведомления, глубоко радуюсь, что устные предания не пропали, и мечтаю о том, чтобы это произведение достигло императора и удостоилось подробно быть августейшего просмотрения.

13 числа, второго месяца, третьего года Дайдоо $(808 \ r.)^2$

Заметки о похоронных обрядах в селении Тоёнага-го³

С выступлением Японии на сцену мировой истории или, вернее, общемировой, общегосударственной жизни после Реставрации

Дважды в переводе встречается отсылка к данным относительно «предыдущих селений». По-видимому, речь идет о материалах, помещенных в том же рукописном сборнике, но свидетельствующих об обрядах, принятых в других селах той же провинции.

Все реалии в тексте разъяснены, кроме понятия кэйкуко «дети по договору». Так называли детей, которые рождались ослабленными, и им назначались «родители по договору» (кэйякуоя). Считалось, что такие родители наделены магической силой, способной помочь ребенку выжить, от них также ожидалось, что они всегда будут опекать ребенка.

¹ Китайский фразеологизм «любовь пса и лошади» означает «верноподданнические чувства».

² В разных списках памятника приводятся разные даты, все, впрочем, относящиеся к годам Дайдоо. В настоящее время более или менее признанной датой считается 807 г.

³ Печатается по архиву библиотеки Тэнри.

Похороны, описанные в рукописных заметках, в принципе укладываются в распространенную обрядовую схему, принятую, например, у народов Сибири. Здесь есть и обряжение покойника, и вынос тела через особое отверстие в доме, не совпадающее с основной дверью-входом, наделение покойника новым жилищем (гробом), жертвоприношения, тризна на могиле, угощение покойника, а также специальные охранительные меры при возвращении домой с соответствующим очистительным обрядом.

На стеклах вечности... Николай Невский

1867 года в этой, до того замкнутой Стране Восходящего Солнца замечается явное стремление объевропеизироваться, которое с каждым днем становится все заметнее и заметнее. Подражание всему европейскому мало-помалу всасывается в плоть и кровь нации, чуждый, маскарадный костюм становится понемногу насущной потребностью; одним словом, насильно прививаемая чужая материальная культура незаметно влечет за собой и культуру духовную.

Представители японской интеллигенции, мыслящих сфер японского общества понемногу уже начинают терять свою желтую окраску и стушевываться среди представителей белого люда. И это объевропеизирование не ограничивается лишь высшей интеллигенцией, а накладывает свою печать и на жизнь японского крестьянства, на жизнь японской деревни.

Масса исконных национальных или квазинациональных устоев уже канула в вечность, масса древних, как плохих, так и хороших обычаев под влиянием нивелирующей руки квазиевропейского воспитания и образования изглаживается из памяти народной; на их место заступают или совершенно новые, или в большинстве случаев те же, но до неузнаваемости реформированные на новый лад.

Только в глухой деревне, где-нибудь в горах, еще можно, пожалуй, найти нетронутую или почти нетронутую японскую жизнь, но и туда уже проникает всесильная рука новой цивилизации, как некогда проникали цивилизации буддийская и китайская.

Однако хотя умы нации и преобразовываются на новый манер, исконные обычаи, в особенности связанные с важнейшими факторами человеческой жизни, как-то: рождением нового индивидуума, браком и смертью, а также религиозный ритуал сохраняют еще много пережитков старины, уживаясь со всесокрушающей силой новой заморской культуры. Таким образом, в японской деревне, даже недалеко от Токио, мы можем подобрать еще много фольклорных данных, живо рисующих нам уже отжившие или отживающие свой век взгляды и верования дореформенного японца.

Из всех обычаев наименее подвергшимися изменениям, как говорит мой уважаемый друг, господин К. Янагита¹, авторитет в области японского фольклора и этнографии, являются обычаи и обряды, связанные с похоронами. Причина этого, по его словам, вполне объясняется психологически. А именно: в противовес всем остальным случаям повседневной жизни, позволяющим их предвидеть, обдумывать и делать различные приготовления, что дает в каждом отдельном случае возможность прибегать к новым способам их ликвидации или приведения к желательному результату, похороны сопровождают великое явление смерти, наступающее внезапно, неизбежно, вселяющее

Янагито Кунио (1875—1962) — выдающийся японский этнограф и фольклорист, с которым Невский неоднократно встречался в Японии и состоял в переписке.

Японистика. Этнография

в человека и общество ужас и тем самым отстраняющее их от всяких попыток делать какие-либо приготовления.

С другой стороны, явление смерти ассоциируется в большинстве случаев в мозгу человека со старостью и дряхлостью, требующими к себе старого, установленного традицией отношения. Таким образом, и внезапность смерти, и старость, являющаяся главной жертвой и сторонящаяся всяких новшеств, заставляют семью или общество хвататься за первый имеющийся под рукой способ похорон, идущий, по традиции, из глубины веков и обусловленный всеми прецедентами, имевшими место в данной деревне или селении. См.: К. Янагита. Юрэи сисо по хэнсэн (Изменения в воззрении на духов) Хэнтан-синри (Анормальная психология). II, 6, с. 385, окт. 1918.

Приводимые ниже заметки о похоронных обрядах одной из глухих местностей провинции Тоса на о-ве Сикоку представляют более или менее точный перевод одной местной статьи, помещенной под названием «Тоёнага-го содзи рякки» («Краткое описание похорон в Тоёнага-го») в рукописном сборнике «Тоса-коку Гунсёруидзю» («Классифицированный сборник книг о провинции Тоса»), который хранится в Уэно'ской библиотеке в Токио.

Статья эта, судя по помещенной в конце ее дате, относится к 1870 г., т. е. вскоре после Реставрации. Возможно, что описанные в ней обряды до сих пор еще имеют место в некоторых селениях Тоса, так как эта провинция, особенно в своих недрах, до сего дня является одним из уголков Японии, наименее всего затронутых европейской цивилизацией. Кто был автором статьи, скрывшим свое имя под псевдонимом Аояма Фурокэн-сюдзин, сказать трудно, но, судя по его знанию всей окружающей местности, можно предположить, что он был или уроженцем этих мест, или каким-либо официальным служащим из города Коти (главный город провинции).

При выборе данной статьи я руководствовался исключительно тем, что описанные в ней обычаи имеют значительный, на мой взгляд, этнографический интерес и сильно разнятся от похоронных обычаев других местностей Японии. В пояснение некоторых обрядов после текста мною приводятся родственные обряды и верования других местностей Страны Восходящего Солнца. В двух-трех случаях за нечмением достаточных данных из местного фольклора мной приводятся сходные обычаи других народов, но это последнее не является, собственно говоря, целью данной статьи, претендующей исключительно на ознакомление читателей с похоронами Тоёнага-го сквозь призму родственных верований других местностей той же Японии.

* * *

Село Тоёнага-го в уезде Нагаока-гуп провинции Тоса представляет собою селение, расположенное среди крутоотвесных гор и занимающее площадь около 10 кв. ри.

На стеклах вечности... Николай Невский

Когда кто-либо из жителей заболевает так, что представляется опасность для его жизни, весь род и все соседи собираются и выражают свое глубокое сочувствие, бегая тудасюда и созывая знахарей и врачей.

Однако, если, несмотря на все старания, жизнь больного пресекается и он умирает, ближайшие родственники покойного выталкивают ногами подушку из-под его головы и несколько перемещают смертный одр.

Затем, при определении места для могилы, несут с собой выпихнутую подушку, кладут ее на место, кажущееся подходящим, и со словами: «От Тидзин-Сама (бог земли) принимаем по семи сутов с четырех сторон» — бросают на все четыре стороны по мелкой монете в один мон и таким образом устанавливают место. Говорят, что это делается, дабы не осквернить бога земли.

Рытье могилы производится обычным порядком. В этом принимают участие так называемые *иситори* «берущие камень». Они приносят большой камень, который должен быть возложен на гроб. Как *хакахори* «могильщикам», так и камненошам делается угощение.

Убранство покойника в общем ни в чем не отличается от встречаемого в окрестностях города Коти. При положении во гроб ближайшие родственники покойного обращаются к нему со словами: «Мы воздвигаем новое здание, но вовсе не воздвигаем его для себя». Если не сказать этого, то считается, что в данный год будет немало хлопот по перекрытию крыши, обзаведению обстановкой, переработке полей и пр., не говоря уж о постройке домов.

Для гробов пользуются и кадушками (окэ), и четырехугольными дзаган (гроб, в который помещают покойника в сидячем положении), и шестиугольными, и восьмиугольными, смотря по желанию; а также изредка встречаются и обычные фусиган (гроб, в который тело полагается в лежачем положении), однако несут их, свесив с плеч, без всякой платформы. Некоторые украшают гроб, накрывают его одеждой покойного. В других местностях женщины убирают ее при выносе гроба, в данном же селе идут с покрытым гробом вплоть до кладбища. При выносе гроба из дому его обязательно выносят через заднюю дверь.

В других местах все становятся в ряд во дворе дома и обносят гроб трижды вокруг двора, в данном же селе гроб ставят посредине двора, и участвующие в процессии обходят вокруг него.

Лица, несущие *ихаи* (табличку с буддийским посмертным именем усопшего), цветочную корзину (*ханакаго*), хоругви (*хата*), и балдахин (*татаи*), те же, что и в других местностях,

Японистика. Этнография

но здесь есть еще так называемые кануэути «бьющие в гонг», которые идут, ударяя в гонг.

Два гробоноши считаются «главными лицами», и их роль исполняется ближайшими родственниками усопшего или так называемыми наноко и фудэноко. [Наноко, т. е. «детьми имени», называются те лица, имена которым при рождении были даны усопшим, что же касается фудэноко «детей кисти», то так называются те дети, которым покойный послал пожелание вечной жизни. И те и другие соответствуют кэиякуко «детям по договору» в предыдущих (sic!) селениях.] Все они наклеивают на лоб отрезки бумаги с написанными на них санскритскими знаками; это называется хитаимамори «лобными амулетами». В обычных случаях «главные лица» всегда находятся, хоть бы это были дети 3—5 лет или даже женщины. Вполне достаточно поставить под гроб только плечи, так как с боков поддерживают другие.

В процессии принимают участие так называемые *тамасонаэмоти* (букв.: «держащие подношение души»), которые несут скатанный в шары вареный рис (*нигиримэси*), и *мидзумоти* «несущие воду», обе эти роли исполняются ближайшими покойному женщинами.

Кроме того, процессия не обходится еще без *юмимоти* «несущего лук», который присоединяется к кортежу с бамбу-ковым луком и стрелой.

Дойдя до кладбища, вышеупомянутая мидзумоти отступает назад и держится в отдалении, ожидая своей очереди.

При опускании гроба юмимоти снимает концом лука одежду, покрывающую гроб, и бросает ее в могилу. Поверх могилы водружают упомянутый выше камень. Это делается для того, чтобы почва не оседала, если бы гроб даже сгнил. Затем, как обычно принято, на могилу кладут посох и тростниковую шляпу, поверх всего кладут упомянутую в начале статьи подушку.

Далее, с целью сделать подношение воды усопшему, призывают мидзумоти. Поэтому, как говорят, и не принято в обычное время звать лицо, ходившее за водой.

Погребение еще не кончилось, а юмимоти возвращается первым и, дойдя до дома, говорит внутрь него громким голосом: Ядокаримосо, т. е. «Покорнейше прошу пустить переночевать». Тогда оставшийся в доме говорит: Микка атони хитосити во торатёт ядокасу кото ва дэкимосану «Три дня тому назад Вы взяли заложника, поэтому, к сожалению, не можем сдать Вам помещение». На это юмимоти отвечает: Сикараба уситора кимон но хо э ёватари наканаори но юми во хико «В таком случае я натяну лук мира для совместной жизни в сторону "быка и тигра", в сторону "демоновых врат"» — и с

На стеклах вечности... Николай Невский

этими словами накладывает стрелу на тетиву и пускает ее через крышу дома, а затем, растоптав лук, перебрасывает и его.

Тем временем мало-помалу возвращаются лица, ходившие на кладбище. Они перешагивают через так наз[ываемую] комасэ, поставленную заранее, и, взяв с конца веяльного веера немного риса, едят его, как это принято в предыдущих (sic!) селениях; затем непременно обходят вокруг столба у дверей дома, после чего только входят в дом, где совершают воскурение фимиама и взывают к имени Будды, а затем возвращаются по своим домам. Это взывание к имени Будды (нэмбучу), как говорят, имеет целью очищение дома.

16-го числа 5-го месяца 3-го года (года Коня) эры Мэйдзи (=1870 г.) Составил Аояма Фурокэн-сюдзин